

и на солнцѣ сверкнула ея гордая головка въ уборѣ великолѣпныхъ черныхъ косъ.

— Не модница, волосы не обстрижены, — улыбулся мистеръ Робертъ и холодное лицо его озарилось засвѣтившимися глазами. — Юная нимфа древней Эллады — вотъ ея національность! Однако... куда же она направляется? Опять на мостки?

— Неужели еще одинъ сумасшедшій прыжокъ?! — взволновался Гарри.

А тоненькая фигурка уже опять мелькнула въ воздухѣ и исчезла подъ водой.

Какъ долго нѣтъ ея! Напряженіе растетъ. Секунды кажутся минутами. Вотъ показалась бездомощная рука и снова скрылась. По слѣдамъ за исчезнувшей дѣвочкой бросились пловцы. Въ порывѣ, захватившемъ все его существо, Гарри кинулся за ними. Не отставалъ и мистеръ Робертъ.

Мгновенья казались мучительными часами. Притаился берегъ, ныряли пловцы.

И вотъ крикъ радости... Словно не десятки людей, а кто то одинъ мощный крикнулъ ..

Изъ глубины волнъ вынырнулъ мускулистый мистеръ Робертъ. Пальцами лѣвой руки онъ впивался въ черныя косы дѣвочки. Лицо его было блѣдно, губы вздрагивали. Десятки рукъ потянулись ему на помощь.

Тоненькая, точеная фигурка неподвижно лежала на берегу, окруженная толпой. Нашлись и врачи, и опытные моряки . . . Всѣми силами и способами старались вернуть къ жизни юное созданіе.

Первый вздохъ... Спасена! Трелетно вздымается несложившаяся грудь. Съ трудомъ поднялись вѣки, словно давила ихъ тяжесть мокрыхъ рѣсницъ. Черные, огромные глаза съ недоумѣніемъ вглядывались въ повеселѣвшую толпу. Мистеръ Робертъ уже раздобылъ коньякъ. Онъ заботливо, почти нѣжно приподнялъ голову дѣвочки и поднесъ рюмку къ ея губамъ. Она пила покорно мелкими глотками и легкимъ румянцемъ покрывались ея блѣдныя щеки.

— Холодно, — сказала она, вздрагивая, — надо переодѣться.

Десятки рукъ помогли ей подняться и почти донесли до кабинки.

.

Мистеръ Робертъ и Гарри терпѣливо ждали ее. Она вышла изъ кабинки совсѣмъ оправившаяся. Бѣлое платьице, пестрая соломенная шляпа и сандали на босыхъ ножкахъ—такъ простъ и скромнъ былъ ея туалетъ.

— Вотъ вашъ спаситель! — указали ей на мистера Роберта.

— Вы, monsieur? Не знаю, какъ васъ благодарить! Я такъ люблю жизни!

— А между тѣмъ рискуете ею, mademoiselle,—отвѣтилъ онъ съ акцентомъ, выдававшимъ англичанина.

— Не рискъ, а несчастный случай, — возразила она на чистомъ англійскомъ языкѣ.

— Вы англичанка?—радостно привѣтствовалъ ее Гарри.

— Нѣтъ,—улыбаясь, покачала она головой,—я—украинка... изъ Малой Руси. Который часъ, однако? Ой! Половина двѣнадцатаго? Я почти опоздала.

Порывисто она протянула мистеру Роберту тоненькія, длинныя руки.

— Тысячу разъ благодарю, сэръ. И васъ, сэръ,—сверкнула она черными глазами въ сторону Гарри.

— И вы не скажете спасителю своего имени?—шутливо возмутился Гарри.

— Дина!—вспыхнувъ, отвѣтила она.

Всѣ трое вышли на веранду. Дѣвочка подбѣжала къ своему велосипеду, но, въ порывѣ раскаянія, снова вернулась.

— Я не спросила вашего имени, сэръ...

— Робертъ Довлэнъ,—поклонился онъ.—И лордъ Гарри Уэсноръ,—представилъ онъ своего юнаго друга.

Дина привѣтливо улыбнулась, проворно вскочила на велосипедъ и понеслась по „Promenade des Anglais“, умѣло лавируя межъ безчисленныхъ автомобилей.

Гарри, любуясь, слѣдилъ за ея граціозными, немного дикими движеніями.

— Странное существо,—задумчиво проговорилъ мистеръ Робертъ.

Дина свернула въ переулокъ, выѣхала на „rue de France“ и остановилась у подъѣзда небольшого коричневаго дома. Она бойко вошла въ полуоткрытую дверь квартиры въ „rez-de chaussée“ и очутилась въ большой комнатѣ, похожей на

жонтору. За столомъ важно сидѣлъ темный господинъ въ пенснэ и что то записывалъ въ толстую тетрадь. Передъ нимъ толпились люди самыхъ разнообразныхъ типовъ и одѣяній. Женщины, мужчины и дѣти, молодые и старые, красивые и уродливые. Одни изящно одѣтые, другіе въ обноскахъ съ чужого плеча. Стоялъ гулъ голосовъ и окрики долговязаго щеголя—помощника не могли его побѣдить.

Дина, кокетливо улыбаясь глазами, почтительно поклонилась господину въ пенснэ.

— *Al Mademoiselle* Олейко! Васъ то мнѣ и надо!—расцвѣли улыбкой его толстыя, чувственные губы.— Въ воскресенье съемка и я васъ записалъ. Нужны прекрасныя, юныя созданія для сценъ въ барѣ. Найдется ли у васъ туалетъ? Что нибудь модное и эксцентричное?

— Конечно, *monsieur*, найдется.

— Отлично. Итакъ, послѣзавтра къ семи утра пожалуйте сюда.

— *Merci, monsieur...*

Дина его подарила многообъщающимъ взглядомъ, страннымъ въ ея шестнадцать лѣтъ и отошла, давая мѣсто другимъ, уже коловшимъ ее завистью и злобой.

Безъ десяти двѣнадцать. Опять она опоздаетъ къ обѣду! Опять воркотня, толчки и угрозы... „Пусть“, передернула Дина узкими плечами,— „не долго имъ тѣшиться! Я уже стою на дорогѣ. Первая побѣда, первый заработокъ! Пока „одна изъ толпы“... а потомъ“?..

Смѣлыми, яркими надеждами переполнилось ея юное, уже озлобленное сердце. Стрѣлой летитъ она на бициклеткѣ, вся залитая южнымъ солнцемъ, согрѣтая его лучами. Летитъ черезъ „Pont Magnan“ по „avenue Californie“, сворачиваетъ на „Fabron“ въ горы. Чѣмъ дальше, все круче подъемъ, приходится слѣзать и тащить бициклетку. Глаза Дины, какъ къ якорю спуссенія, прикованы къ маленькому домику, обвитому виноградомъ и розами. Оттуда уже машетъ Динѣ платкомъ ея пріятельница Мариза, дочь огородника. Наконецъ то добралась!

— Здравствуй, Мариза.

Дина поцѣловала загорѣлую щечку черноглазой дѣвочки.

— Бери мою бициклетку, а я побѣгу, ужъ итакъ опоздала къ обѣду.

Мариза суетъ ей виноградъ и фиги, но Дина только отмахивается и, задыхаясь, бѣгомъ подымается въ гору.

— Чортъ знаетъ, куда забрались! — ворчить она. — Все эта дура Зоя!

Наконецъ, она очутилась на ровномъ шоссе, продолженномъ по храбту. По кудрявымъ зеленымъ склонамъ до самой лазури моря пестрѣютъ виллы. Выше новыя цѣпи горъ — причудливыя, многоцвѣтныя, залитыя солнцемъ. Вокругъ божественная тишина, нарушаемая рѣдкими возгласами человѣческой жизни. Но Дина уже не замѣчаетъ красоту природы, ей все это давно прискучило, ее тянетъ внизъ, — въ пыльную, шумную, цивилизованную Ниццу.

У знакомыхъ воротъ она остановилась, прислушиваясь. Тихо. Вѣрно ужъ всѣ въ столовой. Сердце ея сжалось, но она храбро толкнула дверцу.

Запущенный садъ. Запущенный старый домъ. Колонны террасы изъ бѣлыхъ превратились въ сѣрыя. Штукатурка на стѣнахъ осыпается, даже камни выпадаютъ... По саду во всѣ стороны ползутъ виноградныя лозы. Жалкій цвѣтникъ. На заросшихъ травой безформенныхъ клумбахъ — одичавшіе кусты георгинъ и хризантемъ. На террасѣ круглый столъ, глубокое старое кресло и полинявшая скамеечка для ногъ.

Небрежно брошенная шляпа Дины полетѣла въ цвѣтникъ и застряла на георгинѣ. Дина вытерла вспотѣвшее лицо, отдышалась и храбро вошла въ столовую. Быстрымъ взглядомъ, прежде, чѣмъ ее замѣтили, она съ порога оглядѣла всю картину. Вокругъ накрытаго бѣлой, штопанной скатерью стола собрались всѣ уцѣлѣвшіе Олейко. На почетномъ мѣстѣ бабушка — крупная, гордая фигура, отпрыскъ князей Левиныхъ. Пышные, сѣдые волосы покрыты черной кружевной наколкой. Поблекшія щеки щеголяютъ румянцемъ здоровья. Большіе, черные глаза горятъ жизнью подъ нависшими бровями. На ней старинное, шелковое платье, черное съ блестящими пуговицами. На пухлыхъ рукахъ старинныя браслеты, — старуха скорѣй умретъ съ голоду, чѣмъ разстанется съ ними. Справа — отецъ Дины — Игорь Михайловичъ. Онъ походитъ на мать — высокій, рослый, съ крупными чертами, съ гордой осанкой, только глаза иные — глубокіе, сѣрые, тоскующіе, обаянные сѣтью преждевременныхъ морщинъ. Слева — старшая сестра Дины — Алла. Ей уже подѣ

тридцать, но выглядит она моложе. Нѣжная блондинка, съ тоскующими, сѣрыми глазами. Въ нихъ вся ея жзнь, а лицо съ правильными чертами холодно и неподвижно, какъ камень. Противъ бабушки — мачеха Дины — Зоя Алексѣевна — длинная, рыжая, тонкая, подкрашенная, язвительная тридцати-пятилѣтняя особа. Рядомъ ея сынокъ — общій любимчикъ, десятилѣтній Лева, красивый, какъ маленькій божокъ, со своими золотистыми кудрями до плечъ и громадными сѣрыми глазами, но избалованный и капризный, какъ дьяволенокъ. Возлѣ него миссъ Алиса Топсъ, старая двѣва гувернантка-англичанка, бѣжавшая вмѣстѣ со своими господами изъ Россіи, также, какъ и старая Мавруша — камеристка бабушки и кривая сорокалѣтняя Тоня, горничная Зои Алексѣевны. Сейчасъ онѣ обѣ, — и Мавруша, и Тоня, — прислуживаютъ у стола, храня былыя традиціи дома Олейко. Мавруша мѣняетъ тарелки, Тоня обноситъ блюдомъ съ макаронами.

Миссъ Алиса первая замѣтила Дину и ехидно усмѣхнулась.

— Супъ уже съѣденъ, Дина.

— Дина! — злобно сверкнула бѣлесоватыми глазами Зоя. — Ты, конечно, уже гдѣ нибудь пообѣдала.

— Опять опоздала! — стукнула кулакомъ по столу Игорь Михайловичъ. Гдѣ ты шлялась?

Дина, — красная, злая, — молчала, потупившись.

— Кажется, тебя спрашиваетъ отецъ?! — грозно повернулась къ ней бабушка.

— Я купалась въ морѣ... я не виновата, что мы живемъ такъ далеко, — попробовала защищаться Дина, одинокая среди „стана враговъ“, накладывавшихъ себѣ полныя тарелки макаронъ, словно нарочно, чтобы ей не досталось. Запахъ дымившагося блюда дразнилъ голодъ Дины.

— Я очень виновата... бабушка, рара... Я прошу меня простить...

— Со мною ты, конечно, не считаешься, дерзкая двѣвочка! — вскочила Зоя, наступая на Дину.

— Оставьте меня въ покоѣ! — пробормотала Дина.

— Нѣтъ! — взвизгнула Зоя. — Никогда!

И звонкая пощечина оставила алое пятно на поблѣднѣвшемъ лицѣ Дины. Черные глаза двѣвочки сожгли ненавистью злую мачеху. Нѣтъ, тутъ Динѣ не найти ни защиты.

ни сочувствія! Она выбѣжала въ садъ, пробралась въ густую чащу разросшихся лозъ и бросилась на влажную траву. Слезы обиды кипѣли въ ея горлѣ, жгли глаза, но Дина не дала имъ воли, кусая пальцы. Уйти отсюда навсегда, не видѣть озлобленныхъ лицъ, не знать оскорбленій. Не долго ужъ имъ тѣшиться!

— Своенравная дѣвчонка, — пробормоталъ Игорь Михайловичъ. — Сама виновата, что останется голодная.

Алла съ шумомъ отодвинула свой стулъ и поднялась.

— Бить по лицу — плохое воспитаніе, — холодно проговорила она, глядя въ упоръ въ безцвѣтные глаза мачехи.

— Гадкая, гадкая! Зачѣмъ ты обидѣла Дину! — вдругъ расплакался Лева.

— Дѣйствительно, безобразіе! — стала возмущаться и бабушка. — Ты совсѣмъ сошла съ ума, Зоя.

— Это вы здѣсь всѣ сумасшедшіе! — взизгнула Зоя, выбѣгая изъ столовой.

Мавруша заботливо подскочила къ своей барынѣ, помогая ей подняться, провела на террасу и усадила въ кресло.

— Подать мнѣ сюда десертъ и кофе, — важно приказала старуха.

Она все скоро забывала и быстро успокаивалась, какъ ребенокъ. Чашка послѣобѣденнаго кофе на верандѣ въ креслѣ — это было ея удовольствіе. Мавруша варила кофе, — ароматный и вкусный, — какъ прежде. Она ловко подставила мягкую скамеечку подъ большія ноги госпожи и обѣ вспоминали былое, невозвратное.

— Ну и обѣдъ сварила нынче кривая Тонька, — негодуя, заговорила барыня, — супъ брандахлысть, макароны и фиги изъ нашего сада. Какая мерзость! А, помнишь, въ нашемъ „Привольномъ“ какіе бывали обѣды! Сначала закуски — и холодныя, и горячія. Икра, балыкъ, селянки, суфле изъ рябчиковъ, грибы, домашнія сосиски... Того попробуешь, другого. А тамъ... бульонъ несутъ, пироги или пирожки. Или борщъ съ ватрушками. Потомъ рыбу или жареное... Салаты, маринады, варенья. Какъ хороши были наши домашнія индѣйки! Во рту таяли. А какія „сладкія“ умудрялся готовить нашъ Игнатъ. Пломбиры, пирожное...

— Подумаешь, такъ и то слюнки тякутъ,—облизнулась Мавруша.

— Прислуги было много... только бровью поведи... а теперь ты одна осталась, старая, вѣрная кляча... И весело было! Гости, наряды, музыка, приволье. Денегъ сколько... и почетъ. Все ушло. Все ограбили.

Усталые глаза барыни перебѣгали съ жалкаго цвѣтника къ винограднымъ лозамъ и фиговымъ деревьямъ.

— И это сады!—фыркнула она.—Помнишь наши клумбы?.. Какая была красота! Розы, Иванъ-да-Марья, резеда, левкои... А липовыя аллеи! А березовыя рощицы. Да и фрукты! Какъ хороши были наши яблоки, груши, вишни... А ягоды!

Мимо веранды вихремъ пронеслась Зоя въ „парадномъ“ зеленомъ туалетѣ и модной шляпѣ. За нею Игорь Михайловичъ. У воротъ онъ ее догналъ, хватая за руку.

— Не пойдешь, Зоя! Не пушу!

— Пойду!—вырывалась она.—Не умѣешь меня защитить отъ злобы своихъ дочекъ и маменьки! На вась работаю, кормлю вась, бѣгаю по грошевымъ урокамъ... и вотъ.

— Врешь,—крикнула старуха,—меня не кормишь, мнѣ друзья помогаютъ, и вы еще кормитесь за мой счетъ, обираете меня.

За старую барыню стала Мавруша, за Зою заступилась Тоня. Что то кричала миссъ Топсъ. Игорь Михайловичъ выпустилъ руку жены и схватился за голову. Зоя выскользнула за ворота. А на верандѣ продолжался крикливый споръ.

— Перестань, Дина, ты, вѣдь, уже взрослая. Стоить ли все это твоихъ слезъ? Пойдемъ!

Алла разыскала младшую сестру въ виноградникѣ и ласково гладила ея тяжелыя, блестящія косы.

— Вѣдь, это адъ, Алла! — всхлипывая, прижалась къ ней Дина.—Ну, опоздала на нѣсколько минутъ... велика бѣда! Нѣтъ! Набросились, какъ вѣдьмы! Отецъ, какъ змѣй лютой!

— Не вини папу, онъ несчастный... только его и жаль. Ты дитя—передъ тобой вся жизнь, а ему, бѣдному, не вырваться до могилы... Послѣ блестящаго, безупречнаго прошлага... всѣ эти униженія. Перестань, дѣтка... пойдемъ.

Дина поднялась и сестры, обнявшись, пробирались через виноградникъ къ дому. До нихъ донеслись крики съ террасы.

— Очередной номеръ! — усмѣхнулась Дина. — Недолго имъ тѣшиться! — сверкнула она глазами.

По кривымъ ступенькамъ поднялись онѣ на балконъ и оттуда въ скромную комнату Аллы. Простая бѣлая кровать, надъ изголовьемъ старинныя иконы, письменный столъ, этажерка съ книгами и деревянный табуретъ... вотъ и все...

Въ открытое окно льется ароматный, живительный воздухъ. Виднѣтся панорама горъ, изумрудная зелень садовъ, разбросанныя по склонамъ виллы.

— Ты что то задумала, Дина?

— Отъ тебя не буду скрывать, Алла, ты меня не выдашь. Сегодня первая удача! Я получила работу въ кинематографѣ. Пока статисткой. Но я вѣрю въ свою звѣзду... и я такъ хочу отсюда вырваться! Воображаю, какой подымется вой, когда узнаютъ, что я „кручусь“.

— Зоя даже довольна будетъ, если ты заработаешь. Она и на папу п.вліяетъ. Помнишь, какой подняла гамъ, когда я поступила кафельершей въ „Polonia“. А теперь смирились, потому что приношу имъ деньги.

— Моихъ денегъ они не увидятъ, я ихъ всѣхъ ненавижу.

— Какъ озлоблено твое сердечко, дѣтка моя. Будь добрее и будешь счастливей.

— А ты, много получила ты счастья за твою доброту?

— Я — обреченная. Можетъ быть, за чужіе грѣхи, за чужую злобу, — чуть слышно добавила она.

— Алла! — вдругъ порывисто обняла ее Дина. — Въ воскресенье первая съемка! Какъ мнѣ вырваться?

— Подумаемъ, дѣтка, а сейчасъ мнѣ уже пора. Посиди въ моей комнатѣ. Я скажу Тонѣ, она принесетъ тебѣ поѣсть. Почитай, поспи. Прощай, маленькая.

Алла нѣжно поцѣловала сестру, набросила cache pous-siere и шляпу, захватила уже приготовленный свертокъ.

— Будь умницей, дѣтка.

Смягченными глазами Дина ласково смотрѣла вслѣдъ сестрѣ. Крѣткое спокойствіе Аллы всегда смягчало ея злыя порывы. О, когда Дина станетъ на ноги, она и сестру вытащить изъ этого ада!

— Здѣсь, барышня?—раздался таинственный шопотъ и кривая Тоня заглянула въ комнату Аллы.

— Покушать вамъ принесла. Все горяченькое, самые лучшіе кусочки вамъ оставила. Кушайте спокойно, я покараулю.

— Спасибо, Тоня, милая. Посиди со мной. Значешь, я сегодня чуть не утонула... англичане спасли, — безопасно общала Дина, уписывая макароны.

— Что вы, барышня! — всплеснула Тоня руками. — Я всегда говорю, не доведутъ до добра эти купанья! Море — что зеленая акула. Ни въ жисть не купаюсь. Или захлестнетъ, или рыбы поѣдятъ.

— Жениху себя бережешь? — лукаво прищурилась Дина.

— Ахъ, барышня, не знаю, какъ и быть! — жеманно вздохнула Тоня, — вотъ, поди-шь ты, съ моей рожей и полюбилъ съ я Петру Ивановичу. Замужъ зоветъ. Дворянинъ, вѣдь, онъ, офицеръ, въ Россіи у него добра видимо-невидимо. Чего жъ ужъ лучше, женись! А я боюсь. Какъ вы посоветуете?

— Выходи! Чего ты, дура, на насъ даромъ работаешь, изъ кожи лѣзешь?

— А какъ же иначе, барышня? Для меня вы все тѣ же господа. Такъ ужъ привыкла. Поди замужъ коли пойду, через недѣльку мужа кину и къ вамъ прибѣгу. Какъ песь предана! Тсс...—приложила она палецъ къ губамъ. — Подъ окномъ кто то ворошится. Давайте скорѣе тарелки.

Тоня ловко запрятала подъ платокъ опустошенныя Дининой тарелки и выскользнула изъ комнаты. Дина свернулась клубочкомъ на кровати сестры забыла невзгоды въ розовыхъ мечтахъ и заснула крѣпкимъ и сладкимъ сномъ юности.

Глава 2

Отель „Ruhl“... Роскошный, фешенебельный, многоэтажный, на залитомъ солнцемъ морскомъ берегу. Передъ нимъ — изящный, сверкающій павильонъ „Жетэ“, эффектно вдающійся въ море. Здѣсь — сердце ликующей Ниццы. Въ отель „Ruhl“ останавливаются богачи, тамъ самая дешевая

комната стоит 150 франковъ въ сутки. Тамъ въ сезонѣ феерическіе балы и празднества. Рафинированная кухня и тонкія ароматныя вина. Въ нѣсколькихъ шагахъ „Жето“, гдѣ можно побаловаться „булькой“. просмотрѣть модное „Revue“, испытать фортуна въ азартной, карточной игрѣ, подцѣпить легкую, но дорогую любовь полуобнаженной, шикарной „феи“.

Такси, мелькнувъ между колоннъ, лихо подкатилъ къ великолѣпному подъѣзду отеля „Ruhl“. Пассажиръ, молодой еще брюнетъ, освѣдомился нѣтъ ли свободныхъ комнатъ. Гарсоны, — малые и большіе, — въ отелльной формѣ „съ иглолочки“ сразу оцѣнили всю тонкость моднаго костюма пріѣзжаго, многокаратный солитеръ на его мизинцѣ, цѣнныя запонки, золотой набалдашникъ палки, изящный чемоданъ съ золотымъ вензелемъ.

— О, да, конечно, свободный номеръ найдется, пусть только monsieur поднимется въ бюро.

Освѣжившись теплой ванной, въ изысканномъ бархатномъ халатѣ, новый гость отеля нѣжилъ на кушеткѣ среди шелковыхъ подушекъ въ роскошной спальнѣ своего „appartement“. Въ раскрытое окно виднѣлось море и ароматомъ его былъ напоенъ согрѣтый солнцемъ воздухъ. Море... лазурное, ласковое... но блестящія, черныя, съ китайскимъ разрѣзомъ, глаза гостя не любовались красотой моря, они жадно наслаждались роскошью обстановки: пушистыми коврами, дорогой мебелью, эффектными люстрами, зеркалами въ венеціанскихъ рамахъ. Лицо гостя — правильное, рѣзкое, смуглое, блистало чувственной красотой востока. Онъ улыбался собственнымъ мечтамъ и было что-то дѣтское въ его хищной улыбкѣ.

— Однако, — пробормоталъ онъ, взглянувъ на часы, и потянулъ бронзовую грушу звонка, болтавшуюся почти надъ самой его головой.

— Entrez!

Лакей, — корректный, бритый, важный, — безшумно подошелъ къ кушеткѣ.

— Что прикажете monsieur?

— Прежде всего — маникюршу... потомъ... въ которомъ часу обѣдъ?